

ЗАПОВЕДНЫЙ ОСТРОВ ЛЮБВИ

Ночное рандеву: Вып., Моск. правд. - 1993. - 25 мая. - С. 3

Есть «звезды», которые зажигают. Значит, это кому-нибудь нужно. А есть «звезды», которые зажигаются и горят сами по себе. Потому что они нужны всем...

Свет звезды легче рассмотреть в темноте. Наверное, поэтому эта ночь занесла меня куда-то на край Москвы, с диктофоном, с подсевшими батарейками, на «звездное» ночное рандеву с Владимиром Пресняковым.

— Володя, ты очень редко общаешься с представителями прессы. Что это — страх перед «империей лжи»?

— Я не боюсь журналистов. Просто трудно всех удовлетворить...

— Понимаю. Даже публичные женщины не всем...

— Ну вот, только начали разговор, а уже какие-то сравнения, «наезды».

— Это метафора...

— У журналистов любая ложь — метафора. Хотя, пусть себе лгут. Им же надо чем-то на жизнь зарабатывать.

— А петь под «фанеру» — это не ложь? Артист тоже не всегда бывает искренним.

— Значит, это не артист... Для меня существует только одно состояние на сцене — любовь. К зрителю, к музыке...

— А к деньгам?

— Ради денег можно пойти и в дворники... Знаешь, иногда мне кажется, что я достаточно поработал. Не то чтобы пора на заслуженный отдых, а про-

сто могу не выкладываться полностью, преподнести некий суррогат. Не идти дальше за музыкальной строкой, а петь под «плюсовую» фонограмму и безбедно жить за счет старых заслуг. Но тогда настанет день, и я сойду со сцены «под стук собственных копыт». И как бы снисходителен не был зритель, это, наверно, будет конец. И лишь вот это всеобъемлющее состояние любви никогда не позволит мне солгать...

— Ладно, не будем столь категоричны в оценках — ложь, не ложь... Но есть у музыкантов некая угодливость, когда они начинают размениваться: вот эту музыку я делаю для 15-летних фэнов, а эту — для серьезной аудитории...

— А представь себе Микеланджело или Тициана, которые, создавая свои шедевры, думали — вот это для толпы, а это — для эстетов. Так и из музыки нельзя делать ремесло.

— Но как же тебе все-таки удастся почти все свои песни делать хитами?

— Не знаю. Просто иногда получалось... Успех предсказать невозможно. Когда я сочинил «Стюардессу» и первый раз показал близким, они отнеслись к ней несерьезно, даже смеялись: «Что это, мол, такое?». Слишком, казалось, простенькая и незатейливая песенка. И вдруг такой взлет!

— А был прототип у главной героини?

— Да, мы летели на гастро-



ли, и встретила такая грустная стюардесса...

— Значит, прямо в самолете — роман! А где же нравственность?

— Это была духовная связь.

— Вообще-то не секрет, что артисты ведут, мягко говоря, беспорядочный образ жизни...

— У меня была очень бурная юность. Лет с четырнадцати я начал работать с «Круизом» и тогда всего этого не смотрелся. Я знаю все стороны артистической жизни.

— Ты хочешь сказать, что наступило пресыщение?

— Просто я научился дорожить чистыми отношениями.

— А говорят, «звезды» так любят шокировать публику новыми скандальными связями.

— Зачем?

— Люди любят скандалы. «Грязь» делает артиста интересным, книгу — бестселлером... Мадонна, например, делает себе на этом популярность.

— Да. В заграничном мире шоу-бизнеса скандалы необходимы. Потому что там, извини за откровенность, все звезды — сделанные — прессой и капиталом... Но если взять «Мастера» Булгакова — там нет скандалов. А это любимая книга для многих, в том числе и для меня. Там много фантазии, много таланта. Значит, люди тянутся не только к пороку. И я не хочу поддерживать популярность с помощью скандальных связей. Мне кажется, я сейчас в том положении, когда могу позволить себе быть таким, каков я есть.

— А какой ты есть — образцово-показательный муж и отец?

— Странная ирония... Сына я очень люблю. Стараюсь передать ему все лучшее, что есть во мне.

— Будет певцом?

— Никита очень музыкален. Но я не хочу «давить» на него.

— Дави, не дави, генетика делает свое дело — тут по-моему все предопределено... А как твоя жена?

— Кристина мне не жена. Женщина, друг, муза — как хочешь...

— А зачем ты акцентируешь? Мы не пуритане. Сейчас это модно — без штампа...

— Я просто не люблю слова

«мода» и «штамп». Я люблю слово «свобода».

— И все же, несмотря на некоторую раскрепощенность взглядов, ты получаешься каким-то слишком правильным.

— «Я не ангел, я не бес. Я — усталый странник...»

— Ты чувствуешь себя усталым странником?

— Мы все немного странники. А усталость? Бывает. Но тогда надо выйти на сцену. Сцена для меня — это исцеление. Даже если нет сил, даже если высокая температура.

— Скажи, а ты капризен, как «звезда»?

— Нет, скорее, принципиален. Но стараюсь относиться ко всему легко, не давая оценок ни себе, ни другим. У меня был в жизни тяжелый этап, когда я стал философски осмысливать происходящее.

— Наверное, это был, как говорят ученые, «период юношеской философской интоксикации».

— Скорее, «старческой». Я сейчас более юн, чем тогда. В ту пору я замечал все, любые мелочи, даже читал мысли по глазам. Контролировал каждый свой шаг и поступки многих людей. Это очень тяжело.

— Тебе надоело видеть людей навзвезд?

— Надо просто жить, а не бродить в потемках чьих-то душ. Эти способности есть у каждого, но я как-то сосредотачивался на них...

— ... и научился взглядом тарелки передвигать?

— Один раз получилось (при свидетелях).

— А еще какие-нибудь мистические случаи были?

— Хочешь чудо? — неожиданно спросил Володя и указал рукой на потолок. Была уже почти ночь, и я увидела небо, усеянное звездами.

— Что это? — в оценочности прошептала я.

— Звездное небо.

— Ну вот, — думаю, — полчас общаюсь со «звездой», а «крыша» только сейчас поехала.

— А как это получилось?

— Просто взял и наклеил фосфоресцирующие звездочки на потолок.

— Господи, тебе что, «звезд» мало? Папа — один из лучших саксофонистов мира, мама — прекрасная певица, Кристина — восходящая «звезда»!

— Просто, я люблю ночь. «Просыпаюсь» в это время. Пишу музыку... А эти звездочки — наверно, с детства осталась ностальгия: лежишь ночью в траве, в деревне...

— Володя, а почему ты никогда не рассказываешь о личном, интимном, хотя бы в пределах этики? Не любишь, когда журналисты лезут в душу?

— У меня есть в жизни островок, на который я допускаю лишь самых близких. Там — любовь и музыка. Это моя душа, мой мир. Пусть он останется нетронутым...

Ольга ПЕСКОВА.